

Чудо св. Жанны

Божественнымъ могло бы казаться посвященіе «Таинства любви Жанны д-Аркъ» Шарля Пэги: «Всѣмъ, кто жилъ и умеръ за всемірную социалистическую республику», — если бы не было онъ уже въ тѣ дни, когда писалъ «Таинство», однимъ изъ величайшихъ, хотя и безсознательныхъ, христіанъ нашихъ дней. Что хотѣлъ онъ сказать этимъ посвященіемъ? То же, что говорить св. Августинъ: «жизнь Града Божія вся должна быть общинной, — «socialis»; лишнимъ владѣть, значитъ владѣть чужимъ»; «общая собственность — законъ Божественный, частная — законъ человѣческій». То же, что говоритъ Іоакимъ Флорскій: въ «Третьемъ Царствѣ Духа», — совершится «великій переворотъ»: собственники — «богатые, великіе, сильные міра сего, будутъ низвергнуты, а нищіе, малые, слабые, возвышены... и увидятъ они правосудіе Божіе, совершенное надъ ихъ палачами и угнетателями». То же, что говоритъ св. Францискъ Ассизскій: «Я не хочу воровать, а если бы я не отдалъ того, что имѣю, бѣднѣйшему, то быть бы воромъ». То же, что говоритъ Жанна д-Аркъ: «Я послана Богомъ для утѣшенія бѣдныхъ». То же, что и мы говоримъ такъ плоско и недостаточно, потому что нерелигиозно, о «соціальной проблемѣ» — этомъ страшномъ узлѣ, который грозитъ, въ наши дни, затянувшись въ мертвую петлю, задупать человѣчество.

Если Начинатель «великаго переворота» — «всемирной соціальной революціи», по нашему — Сынъ Божій, то продолжательница его, вѣрнѣйшая, — «дочь Божія», на Огненномъ Крестѣ распятая, св. Дѣва Жанна.

Что сдѣлала бы она, если бъ не была обита, едва начавъ дѣло свое, — объ этомъ такъ же трудно судить по тому, что она уже сдѣлала, какъ по пшеничному зерну о колосѣ. Но нѣтъ никакого сомнѣнія, что Жанна думала уже не только о французскомъ, но и о всемирномъ дѣлѣ, когда брала съ короля обѣщаніе «миловать всѣхъ приходящихъ къ нему, богатыхъ и бѣдныхъ, римскіе; или, когда хотѣла, чтобы ирландскіе, англійскіе, итальянскіе народы, обратившись ко Христу и покаявшись, облечились въ одежды нищихъ братьевъ и заключили между собою вѣчный миръ». Это — начало, а конецъ — «Царство Божіе на землѣ, какъ на небѣ».

Жанна — «мстительница» не только противъ Церкви, но и противъ государства, большая, чѣмъ Августинъ и Францискъ, — такая же, какъ Іоакимъ и Павелъ. Первый мститель ея, противъ Церкви, поняли судьи

Жанны, а второй, — противъ государства остался для нихъ непонятнымъ. Въ этомъ, и до нашихъ дней, св. Жанна д-Аркъ, такъ же, какъ самъ Исусъ, — непонятна, неизвѣстна.

Это уже чувствуется въ первомъ явленіи Дѣвы, когда становится она единственной властью въ осажденномъ Орлеанѣ.

4-го мая, французскіе военачальники, обиженные тѣмъ, что надъ ними поставлена безграмотная дѣвочка — крестьянка, дѣлаютъ, не предупредивъ объ этомъ Жанну, вылазку на крѣпостную башню-бастилью, Сэнъ-Лу, въ нѣсколькихъ миляхъ къ востоку отъ города. Но англичане сопротивляются такъ доблестно, что французы должны отступить.

Ночью, Жанна, проснувшись, и вскочивъ съ постели, зоветъ оруженосца своего. Жанна д-Олона, и на вопросъ его, что съ нею, отвѣчаетъ:

— Живъ Господь! Мой совѣтъ велитъ мнѣ идти на англичанъ... Гдѣ мое оружіе?.. Кровь нашихъ людей льется, я это чувствую!

И, увидѣвъ маленькаго пажа, Мюго, кричитъ:

— Ахъ, северный мальчишка! Зачѣмъ же ты мнѣ не сказалъ, что льется французская кровь?

Выбѣжавъ изъ дому, поспѣшно вооружается. Знамя подаютъ ей изъ окна, и, вскочивъ на коня, мчится она по улицѣ такъ, что изъ подъ лошадиныхъ копытъ, на мостовой, брызжутъ искры.

Доскакавъ до Сэнъ-Лу, прямо кидается въ бой. Семнадцатилѣтняя дѣвочка, никогда на войнѣ не бывавшая, стоитъ безстрашно, со знаменемъ въ рукахъ, въ опаснѣйшемъ мѣстѣ боя, у крѣпостного рва, подъ арбалетными стрѣлами и пушечными ядрами.

Въ первый разъ въ жизни, увидѣвъ кровь на войнѣ, ужасается, но не за себя, а за другихъ: «я никогда не могла видѣть, какъ льется французская кровь, безъ того, чтобы волосы у меня на головѣ не вставали дыбомъ отъ ужаса».

Только увидѣвъ Жанну, отступающіе французы кидаются въ бой, съ новой отвагой; идутъ на приступъ, поджигаютъ башню и врываются въ крѣпость. Множество плѣнныхъ перебито. — «И видя то, Дѣва была очень прискорбна». — Хитростью спасаетъ она англичанъ, укравшихся въ женской обители и нарядившихся тамъ въ церковныя ризы:

Д. Мережковскій.

(См. 4-ю стр.)

тогда, обкаланныхъ восьмью заутрени, отца, матери, братьевъ, сестеръ, ихъ жениховъ, и моя, покоились въ рядъ на нашемъ комодѣ, на тонкой салфеткѣ. Отъ розетокъ, съ ихъ робкимъ звономъ, тоже исходилъ застѣнчивый свѣтъ.

И свѣтлы, и смутны, какъ видѣнія, были мои сестры, три дѣвушки въ бальныхъ газовыхъ платьяхъ, точно охваченныя нимбомъ, отблески свѣта на дѣвичьихъ голыхъ плечахъ.

Вѣра, смягчая, съ удивленными, блестящими глазами, старшая, Марія, ростомъ самая маленькая, съ ея добродушно наемѣшливымъ смѣхомъ, сѣроглазая, близорукая, какъ отецъ, и средняя, Анна, самая строгая и горячая. Что то печальное, горькое, какъ бы шевелилось всегда у ея губъ, и потому мнѣ было жаль Анну, и я боялся за нее, даже во снѣ.

Все это было въ девятисотыхъ годахъ, мое дѣтство на Васильевскомъ Островѣ.

Я былъ самый послѣдній среди шестерыхъ старшихъ. Ихъ жизни далеко обогнали мою. До моихъ дѣтскихъ ушей дошелъ отъ ихъ жизней только смутный звукъ.

И хорошо помню жениха Вѣры, рослаго василеостровскаго нѣмца, волосы бобринкомъ, головой подъ самый потолокъ, и жениха Маріи, студента въ порывѣвшемъ лѣтнемъ пальтишкѣ, длинноносаго, съ озябшимъ смѣхомъ. Помню, главное, какъ братьевъ и сестеръ смѣшило это слово — женихи, а сами женихи замѣтно смущались.

Еще запомнилось мнѣ почему то начало романа сестры Анны.

Въ вагонѣ конки — чудеснымъ существомъ кажется теперь тотъ распатанный, дребезжащій петербургскій ковчегъ, съ его костлявыми, гнѣдыми лошадьми и возницей, стучавшимъ кнутовищемъ по желѣзному передку, — въ вагонѣ конки, противъ петербургской дѣвушки со строгими глазами, это моя сестра Аня, съѣлъ молодой господинъ, немного смѣшной тѣмъ, что былъ съ очень почтеннымъ зонтикомъ.

Удивительна въ Петербургѣ сѣверная дымка, весеннія сумерки.

На Николаевскій мостъ конка вкатывала съ крикомъ, стукомъ, звономъ, мальчишка въ кондукторской темной шинели отчаянно болталъ руками и ногами на пристяжной (до того до деревенскости просто было это тогда), и сумерки за копочнымъ окномъ, первые огни магазиновъ, фонарей, телек, тихо мелькали, въ тонкой пепельной мглѣ.

Сестрѣ надо было на Васильевскій, ему, кажется, въ Гавань. Тонкій весенній дождь сѣялся надъ Петербургомъ. Все стало смутнымъ, и нѣжнымъ. Въ Соловьевскомъ сѣверѣ трогательно пахла первая трава. У четвертой линіи, гдѣ выходитъ сестрѣ, ея слугникъ съ робостью предложилъ незнакомой дамѣ зонтикъ.

кованьемъ ходили голуби. Точно такъ же, вѣроятно, было на площади у Первой линіи Васильевскаго Острова и въ пушкинскія времена.

И странно подумать, какъ въ открытомъ ладо (теперь это музейная бутафорія) покачиваясь на мягкихъ рессорахъ, съ нашими картонками и чемоданами, мы уѣзжали лѣтомъ въ деревню и это называлось у насъ торжественнымъ выѣздомъ англійскаго короля.

А пролетка петербургскаго извозчика, кто воспоетъ ее?

На свѣтъ ничего нѣтъ уютнѣе, какъ питерская пролетка въ дождь, когда подымалъ Ванька ея кожаный верхъ. Потертый жесткій бархатъ сидѣнія, запахъ влажной кожи, спина извозчика тоже въ черной кожаной накидкѣ, по которой струится паръ, дождь, — пролетка, какъ уютный качающійся домикъ.

Въ дождь необыкновенное чувство покоя и благодарности вызывала мокрая извозчикья спина. И какъ хорошо, домовито, ковырялся обычно извозчикъ мокрыми, крупными пальцами въ своемъ кожаномъ кошелькѣ съ металлическимъ ободкомъ, вытаскивая его изъ самыхъ трущобъ кафтана, и обязательно давалъ, подъ конецъ, мокрый гривенникъ сдачу.

Я любилъ еще серебряные пяточки, такіе крошечные и тоненькіе, что они едва подавали серебряный звонъ, точно шуточныя монетки, на которыхъ чуть ли не въ лулу надо было разглядывать лавровый вычеканенный вѣнчикъ «пять копѣекъ», ниже, подъ чертой, «1904», а на оборотѣ кудрявое опереніе крошечнаго двуглаваго орла.

Все такіе пустяки помнятся. Но когда минуются наши терзанія, страшныя, горькія, когда расточится вся нежить и тьма съ ея потемками, тогда вернется то же самое, простое, что будетъ всегда: тѣ же до брые и вѣчные пустяки человѣческаго дома, тотъ же вѣчный домашній вечеръ послѣ заутрени.

Я помню, какъ братъ Миша, черноволосый, прядь всегда падала ему на лобъ, съ блестящими, какъ у Вѣры, глазами, бодаль меня головой, смѣялся надъ моими потертыми, бархатными штанишками, поддразнивалъ меня:

— Трусовать былъ Ваня вѣднѣ... Онъ больше всѣхъ любилъ возиться со мной. И отъ Миши перваго я узналъ, что въ Святую ночь солнце играетъ. Мои братья ходили куда то на взморье, смотрѣть, какъ солнце играетъ.

Хорошо помню, какъ Миша наклонялся въ моей постели и толкуя о вещахъ для него непривычныхъ, все закидывалъ волосы назадъ.

— Тутъ, братъ, такая штука. Солнце отъ радости играетъ, что Христосъ воскресъ. Понимаешь, все радуется. Ваня и солнце тамъ...

Чудо св. Жанны

(Начало см. 1-ю стр.)

Выгоды этой первой победы огромны: все верхнее течение Луары освобождено и, что важнее, доказано, что англичане — вовсе не «Годоны», «хвостатые диаволы», а такие же слабые люди, как французы, и что можно их ловить, как мышей в подпольи, выкуривать, как ос в гнёзды.

Вся эта победа — дело одной только Жанны; без нея, ничего бы не удалось: легкую и бесполезную стычку превратила она в глубокий и тяжелый удар. И что еще важнее — павший дух французов был поднят.

На следующий день, 5-го мая, в Вознесение, Д'эва отправляет к англичанам письмо с четвертым и последним предложением мира. Привязывает письмо к арбалетной стреле и велит пустить ее в английский лагерь, у окопов Бель-Круа.

— Шлюха, дэвка продажная! — отвечают ей Годоны опять все то же бранью, и горько плачет она, не от обиды, а от жалости к врагам. Но, услышав голоса, утешается.

— Я получила от Мессира добрую весть! — сообщает войску радостно.

Главная твердыня англичан, крепостная башня-бастилья, Турелли, находилась на левом берегу Луары. С городом соединял ее деревянный, с одной середины, сломанной аркой, мост. Перед Турелли возвышалась башня августинцев: чтобы войти в ту, надо было сначала взять эту.

Приступ на нее начался 6-го мая, на восход солнца, длился весь день, до заката, и был отражен. Жанна, собрав отступавших и воткнув древно знамя в землю, у самого рва, крикнула, с такой отвагой и вѣрой: «смело входите!» — что, послѣ новаго отчаяннаго приступа, башня была взята и сожжена. Но, глядя на освещенныя за нею красным заревом пожара, въ черномъ ночномъ небѣ, неприступныя башни Туреллей, французскіе военачальники говорили съ безнадежностью:

— Вы были на нашемъ совѣтѣ, а я на моемъ, и вѣрите мнѣ, совѣтъ Господень исполнится, а вашъ погибнетъ! — отвѣтила имъ Жанна спокойно и, немного подумавъ, прибавила, обращаясь къ духовнику своему отцу Паскаредо:

— Много будетъ у меня завтра хлопотъ... и кровь изъ тѣла моего прольется!

Раннимъ, тихимъ утромъ, 7-го мая, начался приступ на башни Туреллей. Двадцать разъ подходили французы къ окопамъ и двадцать разъ отступали, подъ страшнымъ огнемъ кулевринъ и бомбардъ; но каждый разъ шли снова въ бой, съ еще большей отвагой, чувствуя себя «какъ будто безсмертными».

Жанна была опять впереди всѣхъ и всѣхъ ободряла:

— Будьте мужественны, вѣрите, мы скоро войдемъ въ крепость!

Послѣ полудня, приставляя къ стѣнѣ первую осадную лѣстницу, Д'эва была ранена въ плечо, подъ правымъ сослемъ арбалетной стрѣлой, пробившей стальной наплечникъ, какъ бумагу, и вышедшей, съ другой стороны плеча, на четверть локтя. Видя льющуюся кровь свою, Жанна испугалась и заплакала, какъ маленькій ребенокъ. Но заговорить рану не позволила боясь волшебства.

— Лучше, — говорила, — мнѣ умереть, чѣмъ сдѣлать чтонибудь противное волѣ Божьей ..

И вдругъ, переставъ плакать, вырвала стрѣлу изъ раны. Только что сдѣлали ей перевязку, вернулась въ сраженіе. Но монсеньоръ Батардъ велѣлъ трубить отбой. Жанна кинулась къ нему и, плача, теперь уже не от боли, молила:

— Именемъ Божьимъ говорю вамъ: мы сейчасъ войдемъ въ крепость, и ничего съ нами англичане не подѣлаютъ... Только отдохнемъ немного...

Такъ и сдѣлали: отложили приступ ненадолго. Въ это время, Д'эва, сѣвъ на коня, отъѣхала одна въ сосѣдній, на склонѣ холма, виноградникъ и, сойдя съ коня, сѣла на землю, между вьющимися по низкимъ подпоркамъ и въ косьяхъ лучахъ заходящаго солнца прозрачно-зеленящими лозами.

Та же была и здѣсь тишина, какъ въ Домремійскомъ садикѣ; тотъ же далекій звонъ колоколовъ или гудѣніе пчелъ; та же крепкая свѣжесть — дыханіе «Черной Дѣвы», матери Земли.

Вдругъ повѣяло въ воздухѣ, какъ бы солнечно — теплымъ, розовымъ масломъ, отъ алыхъ и бѣлыхъ цвѣтовъ шиповника, — благоуханіемъ прославленныхъ тѣлъ. Жанна услышала голоса:

— Дочерь Божія, ступай, ступай! Я тебѣ помогу, — ступай!

Рана вдругъ перестала болѣть; тѣло чудесно укрѣпилось, и, вскочивъ на коня, Д'эва вернулась въ бой.

Ужасъ напалъ на англичанъ, когда они увидѣли, что Жанна — «вѣдьма», неуязвимая, — вернулась въ бой. А французы закричали радостно:

— Вотъ она, вотъ она! Д'эва Жанна вернулась!

И всѣ за нею кинулись на приступъ. Видя знамя свое вдаль, по ту сторону рва, она закричала:

— Только что знамя прикоснется къ стѣнѣ, — всѣ за мной!

— Жанна, знамя у стѣны! — отвѣтилъ ей кто то изъ рыцарей.

— Ваше, все ваше, входите! — опять крикнула Д'эва, и всѣ за нею кинулись въ ровъ, влѣзли, точно сверхъестественною силою поднятые, на стѣну, сломали ворота и ворвались въ башню.

Старый английский военачальникъ, сэръ Вилліамъ Глассдалъ, давший клятву, что если только войдетъ въ Орлеанъ, переубьетъ въ немъ всѣхъ мужчинъ, женщинъ и дѣтей, — медленно отступалъ подъ старымъ английскимъ знаменемъ, развѣвавшимся надъ восьмидесятилѣтними победами, — передъ знаменемъ семнадцатилѣтней дѣвочки.

— Глассида! Глассида! сдавайся же, сдавайся Царю Небесному, — кричала ему Жана, плача, и въ такую минуту, честь врага и отличая побѣду Божью отъ своей. — Ты назвалъ меня дѣвкой продажной, а я душу твою и всѣхъ твоихъ жалѣю!

Такъ кричала она, и плакала отъ жалости.

Ядра летѣли на Турелльскія башни съ французскихъ окоповъ. Кровельный жолобъ перекинули французы надъ рухнувшей мостовой аркой, чтобъ перелѣзть черезъ нее, а внизу, на рѣкѣ, зажгли дощаникъ съ дегтемъ, сѣрой, паклей, смолой, лошадиными костью и хворостомъ. Вспыхнувшій деревянный мостъ рушился подъ англичанами. Всѣ они, вмѣстѣ съ Глассдалемъ, не выпускавшимъ знамени изъ рукъ, упали въ рѣку и потонули. И Жанна, видя то, еще сильнѣе заплакала.

Взяты были Турелли, а главный английский военачальникъ, сэръ Джонъ Тальбо, чьимъ именемъ французскія матери пугали маленькихъ дѣтей своихъ, такъ и не двинулся: самъ былъ, какъ малое дитя, испуганъ.

Всѣ удивлялись тому, съ какою чудесною точностью исполнились оба предсказанія Жанны: «завтра изъ тѣла моего прольется кровь»; и «до наступленія ночи, мы войдемъ въ Орлеанъ, по мосту Турелльской бастильи».

На следующий день, 8-го мая, одержана была послѣдняя, четвертая побѣда. Больше всѣхъ остальныхъ трехъ, Жанна плакала, видя, какъ французы вѣдали кровью и

Такъ, въ три дня, отъ 6-го до 8-го мая, съ чудесной быстротой и легкостью, освобожденъ былъ Орлеанъ. «Въ три дня, все английское войско обращено было въ бездѣйствіе или бѣгство, — скажетъ папа Мартинъ V, въ томъ же году. — Видя огромную силу этого войска, мужество английскихъ ратныхъ людей и мудрость военачальниковъ, можно было думать, что соединенныя силы міра не сдѣлаютъ, въ теченіе мѣсяца того, что совершила Д'эва въ три дня».

Д. С. Мережковский.

INGRID BERGMAN repels a burly guard in the only, half-minute-long, "love" scene in "Joan". This 4,600,000 dollar film on Joan of Arc is being completed in Hollywood.

